

пулировании массовым сознанием, перманентный кризис — эти и другие атрибуты современного мира фактически изменили роль государства и монополизированного им права в жизни общества.

При этом политико-правовой дискурс продолжает апеллировать к системе ценностей, выработанной культурой модерна: автономии и самоценности права — при его полной зависимости от государства, правам личности — при распространении новых способов подчинения и манипулирования индивидом, народовластию — при все большей закрытости каналов власти и процессов принятия решений. Таким образом, налицо неадекватность языка современного правового дискурса тем процессам, которые сопровождают демонтаж культуры модерна и создают контуры нового мировоззрения, ускользя при этом от четкого выражения и соответственно осмысления на распавшемся и фрагментированном языке. Очевидно, консерватизм языка юриспруденции, обернувшийся сегодня его безжизненностью, может быть удобен, создавая иллюзию прочности ценностных оснований права, подобно ширме закрывая от стороннего наблюдателя пустоту на месте рухнувшего здания современной правовой традиции. Так или иначе, в сложившейся ситуации, когда затянувшийся период смены культурных парадигм препятствует возникновению языка, соответствующего новым реалиям, нерелексивное использование привычных понятийных конструкций чревато самозамыканием политико-правового дискурса в искусственном мире.

Степанов Алексей Георгиевич

Aleksey G. Stepanov

*кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры философии, социологии и педагогики
Чувашского государственного университета
им. И. Н. Ульянова*

Правовое сознание в парадигмальном формате общественного идеала

Legal consciousness in the paradigm format of the social ideal

Общественно-правовая система в рамках социально-философского анализа представляет собой особый комплекс бытия, составляющий с другими формами существующего неразрывную целостность. Осмысление процессов становления общественной жизни не может претендовать на завершенность без обращения к параметрам обеспечения правового порядка ее организации. Вариант концептуального решения этого вопроса, актуальность которого в условиях кризиса императивов общественного воспроизводства приобрела особую значимость, был предложен в исследовании Р. З. Рувинского «Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы». Проблемное поле монографии определено автором как анализ «трансформаций государственных и правовых институтов в условиях протекающего на наших глазах глобального кризиса <...> проявляющегося в различных областях общественной жизни <...>»¹. Идея неизбежности столкновения теневого, неофициальных норм регламентации социальной жизни с институтами официального позитивного права как доминирующих тенденций развития современного правового пространства, выраженная в работе в качестве концептуальной пропозиции, очевидно, содержит существенный когнитивно-эвристический потенциал, востребованный как в контексте обеспечения правотворчества, так и в правоприменительной практике.

Параметры предпринятого исследования обусловлены необходимостью теоретического освоения новых состояний и самого общества, и структур, обеспечивающих правовой порядок его развития. Институты права априори подвержены перманентному изменению формы, содержания, качества и функций, что в условиях концептуального плюрализма теоретико-методологической парадигмы их освоения придает правовой культуре особенный онтологический статус, выраженный в синтетическом единстве ее фактического и символического аспектов, дуалистичной роли субъекта права, который не только воспроизводит, но и производит содержание правовой реальности. Правовая культура, правовое сознание и правопорядок находятся в фокусе предметного интереса широкого круга дисциплин социального, гуманитарного и юридического циклов, задающих собственный ракурс ее освоения. Философский уровень анализа институций правовой культуры

¹ Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетейя, 2020. С. 4.

открывает ресурсы корреляции правового сознания и комплекса социально-этических ориентаций: «Философия права <...> призвана раскрывать глубинные, социально-волевые начала формирования и реализации поведенческих актов индивидуальных и коллективных субъектов общественных отношений. Этому способствует и исследование правовой культуры как сложного социального феномена, проявляющего себя в различных формах»¹.

Актуальность заявленной автором монографии проблемы определена корреляционной зависимостью объективной стороны системы права и субъективных комплексов исполнения ее содержания, оба параметра непосредственно связаны с качествами общественного сознания в целом и его правовой составляющей в частности: «Существуют <...> законы природы и законы права. Законы природы абсолютны и имеют силу, так как они есть <...>. Человек не останавливается на налично-сущем, а утверждает, что внутри себя обладает масштабом правового: он может подчиниться необходимости и власти внешнего авторитета, но никогда не подчиняется им так, как необходимость природы, ибо его внутренняя сущность говорит ему, как должно быть, и он в самом себе находит подтверждение или не подтверждение того, что имеет силу закона»². Осваивая реальность, раскрывая законы и принципы ее организации, человек обретает ресурсы перехода потенциально возможного в сферу действительного. Глубинный смысл права, его функциональное предназначение заключается в утверждении идеальной/совершенной модели общественного воспроизводства, обеспечивающей эффективную дееспособность социума. Концепт обеспечения стабильного, предсказуемого порядка общественного развития на платформе сложившегося опыта социального воспроизводства составляет основу институций культуры права и правового сознания как квинтэссенции ее рационально-ценностного содержания: «Право по существу своему обусловлено спецификой культуры, неразрывно связано с базовыми для каждой исторической эпохи культурными ценностями, идеалами, знаниями, господствующим типом мировоззрения»³.

Право в формате культуры не является продуктом творческой инициативы отдельных «пасионариев», напротив, оно представляет собой результат реализации когнитивно-эвристического потенциала коллективного разума, плод длительных размышлений национального интеллекта о должном формате экзистенции социальной общности. Правовая культура не может существовать вопреки социальной природе человека. Сохранение социальной дееспособности общественного организма инициирует организацию правовой системы, базирующейся на фундаменте этнической культуры, что позволяет обосновать регламенты права как общекультурной ценности, воспроизведение которой признается социально значимым подавляющим большинством членов гражданского сообщества. Достижение совпадения идеального образа с объективной реальностью может быть обеспечено средствами правовой регламентации, аксиологические ориентации которой коррелируются с ценностными приоритетами традиционной культуры.

Признавая значимость права как неотъемлемой составляющей социального существования, необходимо обратить внимание на специфику его бытия в системах идеального — имманентном комплексе человекомерного освоения реальности. В сфере идеального формируется каркас юридической культуры, выражающий себя через комплекс аксиологических приоритетов, функциональных значений, структур, иерархий, смыслов правовых институтов. Отражение правовой реальности как совокупности знаний, представлений, эмоциональных состояний, составляющих целостный образ нормативов социального взаимодействия, возникающих у субъекта (индивидуума, больших, средних и малых социальных групп) по отношению к правовой действительности, маркируется категорией «правосознание». Правосознание — это отражение в психоментальных структурах социального субъекта комплекса юридических норм, механизмов и принципов их реализации, обеспечивающих формат его экзистенции. Способность общественного организма к воспроизводству непосредственно связана с уровнем социального «здоровья» правового сознания, выраженного в адекватном отражении реалий правовой сферы: «Успех права обусловлен тем, насколько оно проникает в сознание <...>. Без поддержки членов общества, право превращается или в мертвую букву или в тяжкое бремя <...>», — писал П. И. Новгородцев⁴.

¹ Жикривецкая Ю. В. Правосознание россиян в переходный период развития общества (Социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. Нальчик, 2004. С. 22.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 57.

³ Треушников И. А., Ивашевский С. Л. Правовой идеал и качество отечественного законотворчества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 210.

⁴ Новгородцев П. И. О своеобразных элементах русской философии права. М., 1995. С. 8.

В комплексе социального воспроизводства состояние правового сознания предстает в качестве имманентной институции субъекта социального взаимодействия, преследующего определенные цели, смысл которых выражен в категории «общественный идеал». В объеме понятия «идеал» обобщается совокупность представлений о «высшей цели, стремлении, совершенном воплощении чего-нибудь»¹. Следовательно, в социокультурном аспекте феномен «идеал» выступает как форма выражения конечных смыслов социальной экзистенции. Идеальные представления инвариантно включены в содержание сознания социализированного субъекта: «Такая интроспекция может стать основой глубоких и фиксированных структур социальной идентификации...»².

Регулирование социальных процессов осуществляется посредством укоренения в сознании людей определенных идеальных принципов. Эффективное обеспечение человеком собственного существования сопровождается формированием комплекса образов реальности, имеющих определенную оценочную характеристику, что позволяет удерживать в конструктивных формах общественного сознания существенные стороны правовой составляющей системы социального взаимодействия: «Ценность — является важнейшим компонентом субъектной образующей активности и самого субъекта в ней»³. Аксиологическая парадигма наполняет фабулу социального поведения четкими ориентирами, составляющими векторы мировоззрения субъекта. Ценностные приоритеты являются базой формирования парадигмы социального развития, сообщают феномену общественной жизни определенное качество, делая его измеримым, системным и, следовательно, вовлеченным в систему социально-рефлексивной деятельности субъекта.

Движение в сторону общественных идеалов сопровождается конфликтом между положениями позитивного права, культивируемого государством, политика которого обусловлена требованиями конкретного социально-политического момента, и естественного права, соответствующего императивам национальной культуры, отвечающей базовым потребностям общества в контексте обеспечения витальных ресурсов его воспроизводства. Это противоречие вместе с тем не является антогонистическим, его разрешение возможно в рамках онтоисторического базиса правовой системы (ОИБПС)⁴. Эта категория, предложенная Р. З. Рувинским для обозначения целокупного единства традиционных этических идеалов, особенностей правовой ментальности, специфики правоприменения аккумулированных в аксиологических инвариантах национально-этнической культуры. Взаимодействие на базе ценностных приоритетов социальной традиции основано на многовековой практике социальной экзистенции, проверенных временем технологиях эффективного освоения этнонациональным коллективом сфер социальной и природной реальности.

Обеспечивая собственное развитие необходимыми ресурсами, социальная общность не создает материальную и духовную культуру заново, напротив, прогрессивное движение априори опирается на уже достигнутые результаты. Из социальной истории невозможно устранить ни один из ее этапов, каждая следующая фаза развития общества является непосредственным продолжением предшествующей. Экономические, интеллектуальные и научно-технические достижения современной цивилизации были бы невозможны без определенной культивируемой большинством членов социального сообщества традиции аксиологических приоритетов.

Правовая система, основанная на традициях национальной культуры, позволяет с большими основаниями надеяться на ее принятие в качестве концепта национальной программы правопорядка: «... юридические ценности западной цивилизации не могут быть достойной альтернативой собственному, культурологически обоснованному <...> правовому мировоззрению»⁵. Априори специфика правового сознания заключается в том, что процесс его становления начинается на подсознательном уровне до того, как субъект вступает в сферу правовых отношений. Этнокультурная ориентация общественной парадигмы в историческом ракурсе предшествует правовому сознанию, «утверждая его благодатные силы. Которые вдохновляли человеческое правосознание и придавали ему неразложимую опору...»⁶.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1964. С. 349.

² Шукшина Л. В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий: дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2010. С. 202.

³ Там же. С. 168.

⁴ Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетейя, 2020. С. 55.

⁵ Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России: дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2006. С. 4.

⁶ Ильин И. А. О сущности правосознания. Соч.: в 2-х т. М., 1993. Т. 1. С. 24.

Парадигма ОИБПС может стать основой построения системы правового регулирования, в которой нормы позитивной регламентации будут органично коррелироваться с системой социокультурных приоритетов. Право априори нацелено на формирование условий и способов реализации общественного взаимодействия, содержание которого разделялось бы всеми членами социального организма. Правовое государство в общественном сознании государство социальное, то есть представляющее собой форму организации витальных устремлений общества. Только тогда, когда право позитивное будет соответствовать праву естественному, закон — императивам морали, механизмы реализации права — общественным представлениям о должном, только тогда появятся основания говорить об органичном воздействии содержания правосознания на культуру правопорядка.

Сосенков Федор Сергеевич

Fedor S. Sosenkov

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Национальная безопасность России в условиях кризисных политико-правовых процессов: экономические, политические, социальные угрозы

Russia's national security under the processes of political and legal crises: economic, political, and social threats

Национальная безопасность является темой, широко обсуждаемой в среде политиков, сотрудников силовых ведомств, государственных гражданских служащих. Проблемы национальной безопасности неизменно входят в круг научных интересов современных отечественных исследователей в сфере юриспруденции, политологии, государственного управления¹.

Учеными представлены разнообразные авторские определения интересующего нас политико-правового явления, дана характеристика его содержания². С учетом непрекращающейся научной дискуссии в рамках данной работы будем ориентироваться на легальное определение национальной безопасности, установленное Стратегией национальной безопасности как целеполагающим документом в исследуемой сфере, — «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации... достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации»³. Содержание понятия национальной безопасности позволяет охарактеризовать его как антипод состояния коллапса государственности — «провалившегося» государства, феномен которого раскрыт Р. З. Рувинским⁴. Поддержание должного уровня национальной безопасности предполагает предотвращение либо ликвидацию угроз в различных областях жизни российского общества и государства, среди которых наиболее серьезными нам представляются экономическая, политическая и социальная сфера.

¹ См., например: Борисов В. В. Некоторые проблемы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации и зарубежный опыт обеспечения национальной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 5. № 2. С. 64—71; Карпышева Ю. О. К вопросу о соотношении понятий «система национальной безопасности» и «система обеспечения национальной безопасности» // Байкальский Вестник DAAD. 2018. № 1. С. 30—34; Петрянина О. А. Коррупция в системе национальной безопасности Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 35—38 и др.

² См., например: Возжеников А. В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России. М.: ЭДАС ПАК, 2000. С. 45; Кондрашова И. Б. О категориально-понятийном аппарате теории национальной безопасности // Российский следователь. 2005. № 5. С. 53; Манилов В. Л. Теория и практика организации системы обеспечения национальной безопасности России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1995. С. 17 и др.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ч. II, ст. 212.

⁴ См.: Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетей, 2020. С. 158—159.